

в среде русского монашества. Зато истинно-греческая диалектика Максима поражает противников гораздо глубже и сильнее, чем размашистая, беспорядочная и раздраженная речь нашего инока-князя.¹ Замечание А. С. Павлова, в общем приблизительно верно передающее первое впечатление от сравнения трудов Вассиана и Максима, недостаточно однако для точной оценки результатов более внимательного сопоставления. Оно нуждается и в существенном изменении и в дополнении. В данном случае особенно необходимо различать форму и содержание произведений. Со стороны формы сочинения Вассиана отличаются, конечно, более выпуклой конкретностью. Мы видели, как Вассиан восклицает о «дрочении нынешних архиереев», как он говорит о том, что стяжательные монахи отнимают у бедных крестьян «коровку» и «лошадку». Тон его речи более житейский, более близкий к обыденности и следовательно более задевающий. Иначе пишет Максим Грек: он отвлекается от непосредственно данной пестроты жизненного многообразия, часто не называет вещей именами, принятыми для них в обиходе. Вероятно, двоякая причина обуславливает наблюдаемую черту. Прежде всего сказалась тут византийская традиция Максима, с ее склонностью к отвлечению. С другой стороны могли сыграть роль и обстоятельства времени. Ведь Максиму Греку совсем не чужда была простая, передающая впечатления форма. Укажем на «Повесть страшну и достопамятну», заключающую в себе живой рассказ об ордене картезианцев, воспоминания пережитого во Флоренции и о Савонароле, указание, как достигается игуменская власть у нас. Но не следует забывать, что эта повесть явилась до 1525 г., между тем как остальные произведения Максима, обличающие монашество, написаны после 1531 г. И вам становится понятным, почему обличитель не употребляет в них слов: «игумены, архимандриты, епископы». Ведь при открытой форме он не мог бы высказать и десятой доли своих обличений. Прием Максима Грека с внешней стороны как-будто смягчает резкость его произведений, но существо дела от этого нисколько не меняется. Обличение остается вполне ясным, глубоко захватывающим. Условность формы сознается автором, и он не раз считает нужным уже в самом заглавии произведения привлечь и направить внимание читателя к должному разумению своих слов: «Словеса, душеполезна зѣло внимающимъ ихъ . . .», «Слово о покаяніи вельми душеполезно вѣроу и любовію нелицемѣрною внимающимъ его и съ разумомъ трезвеннымъ прочитающимъ его».

¹ А. С. Павлов Исторический очерк секуляризации церковных земель в России, ч. I, Одесса, 1871, стр. 79, 80.